

Экран смартфона в полумраке комнаты казался пугающе ярким. Сообщение в мессенджере одиноко висело в диалоговом окне уже почти час.

Цзы Юй вжался в диван, машинально теребя бахрому на подушке — еще немного, и он бы вырвал её с корнем. Каждый раз, когда экран загорался от уведомления и снова гас, это было подобно тонкой игле, вонзающейся в его натянутые нервы.

Он был безмерно благодарен Сюй Нину — человеку, который в самый жалкий и безнадёжный момент его жизни явился, словно божество, и вытащил его из грязи.

Цзы Юй отчетливо помнил тот прямой эфир: перед лицом яростной травли и абсурдных обвинений его разум опустел, конечности онемели, а во рту пересохло настолько, что он не мог связать и двух слов. Он чувствовал себя марионеткой, брошенной посреди сцены.

Именно спокойный, уверенный голос Сюй Нина прорезал хаос, когда тот заслонил его собой. А еще он никогда не забудет пустую гримерку: когда вся напускная невозмутимость рухнула и он, словно потерянный ребенок, разрыдался от бессилия, Сюй Нин обнял его и прошептал слова, в которых таилась удивительная исцеляющая сила: «Плачь, ничего страшного. Я рядом».

Это «я рядом» стало для него маяком в темноте, единственной опорой после краха. Чтобы набраться смелости и отправить приглашение, он потратил все свои душевные силы, испытывая при этом невыразимое смущение — ведь он звал того, кто видел его в самом жалком и уязвимом состоянии.

«Дзынь».

Телефон внезапно завибрировал. Сердце Цзы Юя сжалось, он едва не подскочил на месте.

Это он.

Всего два слова: «Хорошо. Время и место выбери сам».

Лаконично, как и он сам, но это мгновенно развеяло туман в душе Цзы Юя. Он бережно держал телефон в руках, долго смотрел на экран, прежде чем осторожно ответить: «Тогда... завтра в семь? Я знаю один ресторанчик, там очень тихо».

«Пришли адрес».

Когда адрес был отправлен, наступила тишина, наполненная тяжелым ожиданием и тонкой, едва уловимой тревогой перед встречей со своим «свидетелем».

Цзы Юй толкнул резную деревянную дверь. Навстречу ему хлынул теплый желтый свет и легкий аромат сандала, создавая ощущение уединенности. Официант проводил его в кабинку у окна.

За стеклом, в ночном саду, в туманных сумерках склонялись гроздья поздно цветущей лианы.

Цзы Юй пришел чуть раньше. Он выбрал мягкий кремовый кашемировый свитер, будто пытаясь укрыться этой мягкостью. Когда он сел, ладони всё еще оставались влажными.

Он постоянно поправлял салфетку, взгляд то и дело скользил к дверям, а пальцы машинально поглаживали край фарфоровой чашки, словно ища в её прохладе успокоения. Он не мог не вспоминать свои слезы в той гримерке, и от этого уши начинали гореть.

Дверь тихо отворилась.

Пришел Сюй Нин.

Простой серый свитер с высоким горлом, прямая осанка, привычная аура невозмутимости. Но когда его взгляд сфокусировался на Цзы Юе, сердце последнего невольно пропустило удар.

Глаза Сюй Нина были глубокими и спокойными, но Цзы Юй уловил в них ту же едва заметную мягкость, что и в тот вечер — словно безмолвное утешение.

— Давно ждешь? — низкий голос прозвучал в тишине, наполненный природным магнетизмом, хотя интонация была мягче обычного.

— Нет, я только что пришел, учитель Сюй Нин, — Цзы Юй поднялся, стараясь говорить ровно, хотя в голосе всё еще дрожали нотки волнения. Он отодвинул стул напротив: — Садитесь, пожалуйста.

Двигаясь, он случайно задел рукав пиджака, который Сюй Нин держал в руках. Прохладная шелковистая ткань обожгла его, словно током, и он поспешно отдернул руку, чувствуя, как краснеют щеки.

Сюй Нин кивнул и неторопливо сел. Теплый свет окутал их уютным ореолом.

В воздухе витало странное чувство — смесь благодарности, остатков стыда за свою слабость и чего-то нового, более личного, что начинало прорастать между ними.

Официант принес меню. Выбирая блюда, Цзы Юй слегка наклонился вперед, указывая на позиции в меню, и говорил тихо, невольно проявляя осторожность.

Сюй Нин не смотрел на меню. Его взгляд следил за пальцами Цзы Юя, а затем опустился на его опущенные, подрагивающие ресницы и плотно сжатые от напряжения губы. В этом взгляде читалось полное понимание, словно он без слов говорил: «Расслабься, всё хорошо».

Когда Цзы Юй упомянул легкий суп, Сюй Нин отвел взгляд и коротко ответил: «Хорошо», — в его тоне слышалась забота.

Закрыв меню, он вернул его официанту и добавил: — Еще порцию корня лотоса в сахарном сиропе и... теплый миндальный чай. — Он посмотрел на Цзы Юя, и в его взгляде читалась непреложная внимательность: — Кажется, ты любишь сладкое, а миндальный чай успокаивает.

Сердце Цзы Юя словно сжали теплыми руками. Он помнил! Он помнил не только его срыв, но и такие мелочи!

Цзы Юй поднял глаза, встречаясь со взглядом Сюй Нина. Тот был спокойным, как глубокий омут, в котором отражалось волнение Цзы Юя, и в то же время передавал мощный посыл: «Я всё знаю, не нервничай».

Цзы Юй поспешно опустил голову, чувствуя, как краска заливает уши, и пробормотал: — Да... спасибо, учитель Сюй Нин.

Уголки губ Сюй Нина едва заметно дрогнули в подобии улыбки, в которой сквозила невыразимая теплота.

Дверь закрылась, в кабинке снова воцарилась тишина. Но теперь она не была неловкой — её сменило чувство доверия и покоя после пережитой бури.

— Отличное место, — Сюй Нин поднял чашку, глядя на Цзы Юя сквозь прозрачную воду. — Очень тихо, подходит для отдыха.

Слово «отдых» он произнес едва слышно, но оно пронеслось по сердцу Цзы Юя, словно перышко, мгновенно возвращая его в то безопасное место, где ему было позволено плакать — в ту самую гримерку.

— Да... подумал, что здесь будет удобнее разговаривать, — Цзы Юй посмотрел на свои сцепленные пальцы, побелевшие от напряжения. Он глубоко вздохнул, поднял голову и набрался смелости посмотреть прямо в глаза Сюй Нину: — Учитель Сюй Нин, насчет того эфира... я правда не знаю, как вас благодарить.

Его голос дрогнул, в глазах блеснули слезы — не от отчаяния, а от нахлынувшей благодарности и эха пережитого страха. — Я тогда... я был в полном ступоре, ничего не мог сделать... если бы не вы...

Воспоминания о беспомощности и панике снова нахлынули, перехватывая горло.

— Цзы Юй.

Сюй Нин назвал его по имени. Голос был негромким, но в нем чувствовалась та же странная сила, способная пронзить хаос, как и в тот раз. Он поставил чашку на стол и слегка постучал по ней пальцами, словно разбивая невидимую преграду, отделявшую Цзы Юя от реальности.

— Посмотри на меня, — его голос был твердым.

Цзы Юй невольно, почти зависимо, впился в него взглядом.

— Это не твоя вина, — Сюй Нин произносил каждое слово четко и уверенно, с той же властью, с какой он пресекал сплетни в прямом эфире. — Перед лицом такой внезапной агрессии любой человек может растеряться. Это нормально.

Он подался вперед, сокращая дистанцию, и его взгляд, острый и принимающий, приковал к себе Цзы Юя.

— Главное, что тебя не сломали. Ты смог взять себя в руки после случившегося. Вот что важно.

Его слова, прямые и весомые, пробили брешь в самобичевании и стыде Цзы Юя, переопределяя «растерянность» как человеческую слабость, а «умение устоять» — как истинную силу.

Это понимание, лишённое осуждения, наполнило сердце Цзы Юя мощным потоком тепла.

У него перехватило дыхание, к горлу подкатил ком, и перед глазами всё расплылось. В этот раз он не разрыдался, как в гримерке, но горячие слезы невольно покатались по щекам.

Он поспешно опустил голову, вцепившись в край скатерти, плечи мелко дрожали.

Сюй Нин не стал утешать его словами или протягивать платок. Он просто смотрел, как Цзы Юй беззвучно плачет, с глубоким, сосредоточенным вниманием, предлагая свое тихое, полное принятие.

Он не считал эти слезы слабостью — лишь процессом освобождения и исцеления. Это безмолвное принятие дарило Цзы Юю чувство безопасности, какого он не знал никогда.

Спустя мгновение Сюй Нин взял чайник. Его движения были плавными и уверенными, он наполнил чашку Цзы Юя прозрачным чаем. Поднимающийся пар затуманил их взгляды и

смягчил следы слез на лице юноши.

Этот жест был обыденным, но сейчас он был наполнен безмолвным пониманием.

— Выпей горячего, — голос Сюй Нина вернулся к обычному тону, но в нем сквозила едва заметная нежность.

Цзы Юй глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, и сделал глоток. Тепло разлилось по телу, унимая бурю в душе.

Он поднял влажные глаза на Сюй Нина и произнес с небывалой искренностью: — Учитель Сюй Нин, на самом деле я...

Тот секрет, что лежал глубоко на сердце — не связанный с эфиром, но такой же тяжелый — снова подступил к горлу. Перед мужчиной, который видел его в самом уязвимом виде и проявил такое великодушие, желание открыться было нестерпимым.

Но Сюй Нин снова поднял руку. Движение было плавным и сдержанным. Его ладонь замерла в воздухе, не опускаясь, обращенная вверх, с чуть согнутыми пальцами — жест, приглашающий к доверию, но в то же время требующий паузы.

Его взгляд был мягким, но в то же время невероятно трезвым и решительным.

— Цзы Юй, — он вновь четко произнес его имя, низким, сильным голосом, в котором слышались и утешение, и четкие границы. — О некоторых вещах не стоит говорить в спешке.

Сердце Цзы Юя сжалось.

Сюй Нин смотрел на него, словно видя насквозь всю тяжесть его души, с полным уважением и глубокой готовностью защитить.

— Когда ты будешь по-настоящему готов, когда ты сам захочешь рассказать мне... — он сделал акцент на слове «мне», подчеркивая связь между ними, — я всегда буду готов выслушать.

Он добавил это тихо, но каждое слово, казалось, весило тонну, отдаваясь в сердце Цзы Юя: — Что бы это ни было и когда бы это ни случилось.

Это обещание было тяжелее и значимее, чем то «я рядом» в гримерке — оно несло в себе груз прожитого времени.

Невыразимая смесь тепла и горечи захлестнула Цзы Юя. Он закусил губу, чтобы не

всхлипнуть.

Оказывается, чувствовать, что тебя так глубоко понимают и так терпеливо оберегают — это так... душераздирающе и в то же время так надежно.

Он чувствовал, что взгляд Сюй Нина не отрывается от его опущенной головы, оставаясь мощной опорой.

— Спасибо вам... — голос его охрип от слез и невыносимой благодарности.

Сюй Нин больше ничего не сказал, просто терпеливо ждал, пока эмоции утихнут. Это молчаливое присутствие само по себе было величайшим утешением.

Цзы Юй отпросился в уборную, чтобы прийти в себя. Холодная вода текла по пальцам, он смотрел в зеркало на покрасневшие веки и влажные глаза.

Мысль, которую Сюй Нин так мягко, но твердо отложил — о долгах, о прошлом — всё еще давила на него. Но сейчас другое, более сильное чувство взяло верх. Он никогда еще не осознавал так ясно: он безнадежно и бесповоротно попал в сети этого человека.

Вернувшись в кабинку, он увидел, что Сюй Нин стоит у окна, глядя на ночной дождь. Тусклый свет подчеркивал широкие плечи и стройную талию, его силуэт казался спокойным и надежным, окутанным собственной, твердой и одинокой аурой.

Услышав шаги, он обернулся. Влажность дождя словно смягчила черты его лица, делая взгляд менее холодным.

Он посмотрел на Цзы Юя: — Дождь усилился. Подвезти тебя?

Цзы Юй кивнул: — Хорошо.

В ресторане им дали зонт. Сюй Нин раскрыл широкий черный купол и сделал знак подойти. Цзы Юй помедлил, а затем шагнул под зонт.

Пространство мгновенно сузилось, и его окутал тонкий аромат Сюй Нина — смесь одеколона и холодного древесного запаха.

Их плечи неизбежно соприкасались, и через тонкую ткань одежды он чувствовал тепло и твердость мышц другого человека. Цзы Юй напрягся, даже дыхание стало прерывистым.

Эта дистанция была куда интимнее и реальнее, чем любая близость на съемочной площадке, и

оттого казалась еще более запретной.

Дождь барабанил по зонту, создавая шум, который отрезал их от всего внешнего мира. Под этим куполом существовали только они двое, деля этот маленький, влажный и теплый мирок.

Вода стекала в ручьи, блики уличных фонарей дробились в лужах, превращаясь в золотое крошево.

Никто не произносил ни слова. Молчание больше не было неловким — оно стало густым, почти осязаемым.

Цзы Юй слышал, как бешено колотится его сердце, и чувствовал, что дыхание стоящего рядом человека тоже стало не таким ровным.

С каждым шагом их плечи слегка терлись друг о друга, и каждое прикосновение было подобно искре, обжигающей ту хрупкую и опасную границу, которую Сюй Нин провел между ними. Цзы Юй даже заметил, что Сюй Нин сжал ручку зонта так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Вскоре они подошли к жилому комплексу. Свет из будки охраны казался в дожде особенно теплым.

Цзы Юй остановился, Сюй Нин тоже. Зонт наклонился, укрывая их от ветра и дождя. Шум ливня стал громче, смывая последние сомнения и ту зыбкую грань, что оставалась в душе Цзы Юя.

Он поднял голову. Дождь намочил плечи Сюй Нина, несколько прядей волос прилипли ко лбу, смягчая его обычно холодный вид.

Взгляд Сюй Нина в тусклом свете казался глубоким и сложным, как бездонный омут, в котором таились и забота старшего, и мужское терпение, и, быть может... капля скрытого, подавленного волнения?

— Учитель Сюй Нин... — голос Цзы Юя тонул в шуме дождя, но в нем прозвучала решимость. — Я... я всё же хочу рассказать вам кое-что.

Он хотел открыть себя настоящего, того, кто остался без масок и ролей, под грузом тяжелого прошлого.

В этот раз Сюй Нин не стал останавливать его жестом. Он молча смотрел на него, взгляд был спокойным и принимающим, словно говоря: «Я слушаю». В его глазах нежность и желание защитить, свойственные его персонажу, казалось, исчезли, оставив лишь ответственность самого Сюй Нина.

Однако, когда Цзы Юй глубоко вздохнул, собираясь преодолеть последний психологический барьер, Сюй Нин внезапно сделал шаг вперед.

Не словами, а действием.

Он протянул руки — движение было сдержанным, почти жестким, но в то же время не допускающим возражений — и мягко притянул Цзы Юя к себе.

Это объятие случилось так внезапно и было таким... противоречивым.

Его руки лишь слабо обхватывали спину Цзы Юя, намеренно сохраняя дистанцию, не позволяя им прижаться друг к другу вплотную.

Ладони едва касались лопаток, скорее поддерживая, чем обнимая. Никакой силы, никаких оков, лишь отстраненность.

И все же, это сдержанное, полное границ и «братского» утешения объятие ударило Цзы Юя, словно молния. Все слова застряли в горле, в голове стало пусто.

Мир словно замер, остался лишь оглушительный стук сердец — его или Сюй Нина, — и шум дождя.

Подбородок Сюй Нина едва коснулся его виска, вызвав волну мурашек. Его холодный, чистый запах смешался с запахом дождя, накрывая Цзы Юя с головой. Ритмичный, сильный стук сердца, передававшийся через одежду, отдавался в ушах, разрушая последние оборонительные рубежи.

Он чувствовал, как напряжено тело Сюй Нина, словно тот изо всех сил старался удержать это объятие в рамках «безопасности» и «чистоты».

Время застыло.

Объятие было коротким — всего несколько секунд.

Сюй Нин почти сразу отстранился, так быстро, словно обжегся. Он сделал шаг назад, восстанавливая безопасную дистанцию.

Движения его оставались неторопливыми, но Цзы Юй уловил в его глазах вспышку сложнейших эмоций: борьба, боль, глубокая жалость и нежность, которую разум насильно подавлял. Его дыхание сбилось.

Он смотрел на Цзы Юя, и голос его, хриплый и низкий, словно шепот, прорезал шум дождя: — Я же говорил, Цзы Юй. — Он снова назвал его по имени, подчеркивая их реальные роли. — Когда ты будешь по-настоящему готов, когда ты сам захочешь рассказать «мне»... — его взгляд был глубоким, словно он хотел увидеть его насквозь, — не дави на себя. Это бремя... не ты должен его нести.

Последняя фраза была почти неслышной из-за дождя, но несла в себе невероятную силу.

Он поднял руку, и в этот раз его пальцы едва заметно дрожали, когда он коснулся виска Цзы Юя, смахивая дождевые капли. Движение было таким нежным, словно он касался редчайшей хрупкой драгоценности или пытался стереть след, которого не должно было существовать. От этого прикосновения кожа на щеке Цзы Юя загорелась, а в душе разгорелось пламя.

— Иди домой, не промокни. — Сюй Нин вложил ручку зонта в руку Цзы Юя с торжественностью ритуала. Его пальцы на мгновение коснулись холодной кожи Цзы Юя, оставив жгучий след.

Цзы Юй не мог вымолвить ни слова, он лишь ошеломленно смотрел на него. Жар, копившийся в глазах слишком долго, наконец прорвался, и зрение затуманилось.

Он закусил губу, чтобы не издать всхлипа. Это сдержанное, почти холодное объятие, эти тяжелые слова «не ты должен его нести» и пальцы, коснувшиеся виска, словно в прощальном жесте... всё это было подобно безмолвному шторму, который разрушил его до основания.

Сюй Нин посмотрел на него в последний раз. В этом взгляде было всё: четкие границы, тяжелая защита, подавленные чувства и трагическая сдержанность. Наконец, он почти неслышно вздохнул, и этот вздох растворился в шуме дождя.

— Спокойной ночи.

Сказав это, он без колебаний развернулся и зашагал в дождевую мглу. Его высокая фигура, полная решимости, словно он бежал от самого себя, вскоре исчезла за пеленой ливня.

Цзы Юй стоял на месте, сжимая ручку зонта, на которой еще теплилось тепло ладони Сюй Нина. Холодные капли падали с края зонта, разбиваясь о лужи у его ног. Лицо было мокрым, и уже невозможно было понять — от дождя или от слез.

Он окончательно пал. В этом коротком, сдержанном, полном границ и тяжелой защиты объятии, пропитанном запахом дождя, он был обречен.